be considered as its biosphere donors that provide a process of local ethnoses and subethnic groups' cultural life and economic activity reproduction as well as process of interreligious and interethnic dialogue between cultures of the Northern, Central and Southern Eurasia. The author shows that these two great mountain systems supply the similarity of economic development and cultural practices of the Altaians and ethnic groups settled in the Himalayas. Both there and here animal breeding has seasonal, "drove away" nature.

The wheat is the key sort of cereals in the Altai and the Himalayas, peoples grow the same vegetables, mostly, a potato. It is remarkable that a nut of a Siberian pine is very similar to a nut of a Himalayan pine called "chilgoza".

At the same time, the Altai and the Himalayas are and always were the most important center of interreligious and intercultural dialogue. Many ethnic groups were always in active interaction here and forces of peace always prevailed over forces of antagonism. The Altai is the area where the world religions and local shamanic cults are peaceful coexisted; analogically, Hindu, Buddhist, and Sikh temples are located side by side with each other in the Himalayas. The Russian and the Altaians are two title ethnoses for the Altai where and first are people of settled culture, the other are people of nomadic culture. So, like that the Himalayas is the place where Khashes (farmers) who represent the Arian cultural sub-ethnic community coexist with Kirates (nomads) who belong to the Tibetan and Mongolian ethnic substrata. It makes the Altai and the Himalayas the important centers of interreligious and interethnic balance. Finally, there were straight commercial, travel, and pilgrimage paths between these mountain systems since the 1st millennium before Christ till 1950s. All of this, let the author concludes that the Altai and the Himalayas are two magnets that form strategic meridional pivot of the Eurasia that should be considered today as the natural supplying of "One Belt One Road Initiative" (OBOR), the Chinese lati-

tudinal project. In the conclusion of the article, the author offers to take steps to actualize geopolitical, economic, and cultural potential of this pivot of the Eurasia.

Keywords: *the Altai, the Himalayas, Eurasia, biosphere, economic practices, culture, intercultural dialogue, meridional travel corridor.*

References

1. Roerich N. K. Iz literaturnogo naslediya [From the Literary Heritage] Moscow, 1974. 534 p. [In Russ.].
2. *Altaj i Gimalaj kak unikal'nye kul'turno-biosfernnye regiony Evrazii* [The Altai and the Himalayas as Unique Cultural and Biospheric Areas of Eurasia]. Barnaul, 2017. 336 p. [In Russ.].
3. Singh M. G. Himachal Pradesh: History, Culture & Economy. Shimla, 2010. 334 p. [In Eng.].
4. Tabdon. Ancient Trade Routes and Wool Markets in Himachal Pradesh // Manimahesh. A Journal of Himalayan Studies. 2015. Vol. VI. Pp. 81–93. [In Eng.].
5. Vasilkov J. V. Drevneyshii indijskii zerkala iz skipho-sarmatskich kurganov Altai i Jugnogo Priuralya [The Most Ancient Indian Mirrors from Scythian and Sarmatian Burial Hills in the Altai and the Southern Cis-Urals] // Step'i Eurasia v drevnosti I Srednevekovye [The Eurasian Steppes in Ancient Time and Middle Ages]. Saint-Petersburg, 2003. 2nd book. Pp. 28–33. [In Russ.].
6. Ivanov A. V., Popkov Y. V., Fotieva I. V., Gupta P. M. Eurasiyskie transportnie megaproekti: proektnie zamisli [The Eurasian Transport Megaprojects: Design Concepts] // Region: economica I sociologia [Region: Economics and Sociology]. 2017. No. 4. Pp. 267–284. [In Russ.].
7. Fasbender T. Integrating Eurasia North-South: Evolving Russian-Indian Infrastructure Links. URL: <https://doc-research.org/en/integrating-eurasia-north-south-evolving-russian-indian-infrastructure-links/> (15.03.2018) [In Eng.].

УДК 130.11:574:159.922.4(575.2)=512.1

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-25-30

Г. М. Касымалиева, доцент,
Кыргызский государственный университет культуры и искусств им. Б. Бейшеналиевой (Бишкек, Кыргызстан)
kasymalieva.63@mail.ru

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА

Аннотация. В статье раскрываются основы экологического и культурного развития духовного и природного компонентов в культуре кыргызского этноса; представлен перечень фундаментальных эколого-нравственных принципов, формирующих облик традиционной духовной культуры кыргызского народа. Обозначен круг факторов, определяющих состав и содержание культурных ценностей кочевых народов Востока: зороастризм, тенгризм, шаманизм, манихейство и другие виды доисламских верований.

Ключевые слова: *культура, духовная культура, природа, ценности, инкультурация, миф, традиции, кочевая культура.*

Эколого-познавательные ценности в системе духовной культуры того или иного народа, в частности, кыргызов, приобретает статус разнообразного

социокультурного явления, проявляющегося во всех сферах общества, в его историческом развитии. Они выступают в качестве интеллектуального,

аксиологического основания развития, сотворчества общества и природы, толерантного, креативного сознания субъекта экологической деятельности.

Кыргызская Республика – страна гор. Из 199 тыс. кв. км общей площади более 60 % занимают сильно расчлененные горы, возвышающиеся от 500 м до 7 тыс. м над уровнем моря. Свыше 90 % территории поднято выше 1500 метров. Около 40 % почти непригодно для жизни – это ледники, вечные снега, скалы, осыпи, высокогорные щебенистые пустыни и т. д. Около 7 % занимает культурный ландшафт: поля и населенные пункты, дороги и промышленные объекты. На остальной территории богато представлены разнообразные естественные сообщества: орехово-плодовые, арчовые, еловые, лиственные леса: высокогорные, среднегорные, низкогорные луга; степи и пустыни, водно-болотные угодья.

В Кыргызстане произрастает около 2 % видов мировой флоры и обитает более 3 % видов мировой фауны. Это достаточно много, если принять во внимание что площадь страны занимает всего 0,03 % площади планеты или 0,13 % от площади суши.

Благодаря сложности, контрастности географической среды, в стране наблюдается очень высокая концентрация видов. На единицу площади здесь приходится на порядок-два больше видов, чем в среднем по планете и Центральной Азии.

Это малая толика природных ценностей, приведена нами для констатации богатства экологической среды, помимо них существует разнообразие эколого-познавательных и духовно-нравственных ценностей, они в совокупности и составляют одну из актуальнейших частей духовной культуры кыргызского народа.

Это духовно-нравственные, ценностно-нормативные положения, установки, правила и неписанные законы, требования, поведения, в которых определены объединяющие, жизненно важные принципы, способы совместного развития этносов и наций в необходимой гармонии с культурной и природной средой. Именно эти две среды и есть основные ценности Кыргызстана, которыми мы можем гордиться по праву и должны изучать и инкультурировать в последующие поколения.

Инкультурационное (осваиваемое) поле предстает, как конструирование смыслов, аккумулирующихся в многообразных артефактах общего видения мира, ибо культура есть целостное (духовно-практическое и духовно-когнитивное) восприятие мира как необходимый способ бытия человека в мире природы. Культура в данном случае понимается достаточно широко как совокупность духовного опыта, включающего традиции, нормы, ценности, образцы поведения, в том числе теоретико-практические способы отношения субъекта к природному, космическому миру и другим людям. «Культура-всеобъемлющая, предвосхищающая истолкованность мира, мир, истолкованный в языке... Вместо при-

вычной субъектно-объектной парадигмы изучается система культуры как со-существования, со-бытия человека и культуры, как способ бытия человека в Мире... К определяющим константам, имеющим методологическое значение при исследовании морфологии культуры, относятся целостность, сакральность, intersубъективность (общезначимый смысл), полифункциональность» [1, с. 198].

Следует констатировать то, что в новом геосоциальном, геополитическом пространстве в процессе развития современной культуры наблюдается не только поляризация материального и духовного (которая достигла своего апогея), но и медленно, но верно осуществляется поворот к приоритету духовности как смыслодержателю основанию культуры. В этом смысле приоритетное назначение культуры состоит в выработке духовности человека, в формировании человеческой субъективности как духовно-нравственного феномена, мировоззренческих ориентаций. «Антропологический поворот в современной философии и культуре позволил по-новому представить всю систему ценностей и ее главную часть – систему духовных ценностей. Человек вновь предстал как некое единство, определяемое через систему духовных ценностей. Именно духовные ценности выступают как культуротворческие и культуuroобразующие... Человек не просто универсален (универсален-природен), но духовно-универсален. Его бесконечные, многообразные и неисчерпаемые творческие способности коренным образом связаны, прежде всего, с духовным началом, которое по самой сути своей и призвано двигать человеческим стремлением отдавать способности окружающему миру. И тогда универсальность духовности следует понимать как всеобщую субстанцию и основу человеческого содержания в индивидууме, т. е. как собственно человеческое начало, которое свойственно всем людям, является его стержнем, сердцевинной, ядром» [2].

Следовательно, субъективно человек сегодня должен быть ответственен за гармонию мира. Не просто культурой, но прежде всего духовно-нравственным творчеством во имя расцвета гармонии бытия. С этой же позиции А. Н. Нысанбаев пишет: «Культура в точном смысле слова представляет собой внешнее, предметно-практическое проявление и воплощение духовности – нравственной сущности человека. Духовность не преобладает, она преобразует, облагораживает материальный мир» [2, с. 111].

Философско-методологическое осмысление и выявление универсальных парадигм духовности как основания бытия культуры, ее интерпретация в целом, в особенности духовной культуры этноса как живого развивающегося организма явились предметом многочисленных культуuroфилософских концепций. Отдельными авторами, предложены новые социальные ракурсы в освещении теории и истории национальной, этнической культуры с учетом духа, духовности и типов мышления, мировоззренческой ориентации кочевой цивилизации (С. Н. Акатай, С. Ш. Аязбекова,

Р. А. Ачылова, А. Ч. Какеев, Ж. К. Урманбетова, Дж. А. А. Аширалиев, А. А. Айтбаев, Б. А. Аманалиев, Т. А. Аскараров и др.). Ряд исследователей уделяли и уделяют внимание разновидностям духовности, в частности, тенгрианству, экологическому мировоззрению, которые являются основаниями бытия этнической культуры (Д. Сарыгулов, М. Жумагулов, С. Н. Акатай, Н. Г. Аюпов, К. Ш. Шулембаев, Г. Есим, В. Безертинов). Продуктивным оказалось исследование духовно-нравственного содержания, мировоззренческой парадигмы устного народного творчества (Т. А. Аскараров, К. М. Матиев, Б. А. Аманалиев, А. Касабек, Н. Ж. Шаханова и др.).

Сложность структурной организации духовного бытия показывает, что ни одна его сфера в изолированном виде (миф, религия, нравственность, искусство и др.) не в состоянии дать целостную картину мироздания, бытия человека в мире. «На всем протяжении своей земной истории человек постигал себя, законы Универсума не только разумом, но и сердцем, не только умом, но и интуицией (озарением). Динамика культурных доминант – закономерный процесс, отражающий способы осознания человеком Универсума, а также своего предназначения в нем. Если миф, религия, отчасти искусство артикулируют духовный аспект сакрального, священного знания, дающего чувство общности со всем космосом, вызывают чувства бескорыстной любви, неземной красоты, позволяют ощутить существование чистого, вечного внепространственного духовного Абсолюта, то философии и науке предназначена иная роль. Интеграция естественных, технических и гуманитарных наук, философская рефлексия над культурными основаниями позволяют раскрыть сущность культуры, способствуют реактуализации бытийного вопроса в новом – космическом измерении» [3, с. 120].

Одним из начальных форм духовности является миф (мифология), который в свое время способствовал возникновению и развитию культурных сфер человеческого бытия. Миф как исходный способ структурирования реальной действительности, архаичная форма выражения мироотношения, обозначает на основе родственно-генетических связей человеко-соразмерный образ мира (как социального, так и природного). На уровне мифологического сознания мир, природа или космос воспринимались как живое существо, они одушевлялись и одухотворялись. В связи с этим в мифах древних народов силы природы всегда уподобляются человеческим силам, а ее процессы – действиям людей, т. е. мифологическое мышление при объяснении явлений реальности неизменно прибегает к их сравнению с человеческими поступками и мотивами. Тем самым человек не отличает себя в мифе от себе подобных, от животного мира, природы и космоса в целом, он един с ними, растворен в них. Представление природы в образе богов (или множества богов) было доминирующим в мифологическом отношении людей к окружающей действительности.

Непреодолимую ценность в мифологии составляет осознание единства человека и среды обитания, мотивы равновесия и сохранения живой, неживой природы, проявления своего рода элементов нравственности, направленной на сохранении внешнего мира. Единство воплощения прекрасного и безобразного, возвышенного и обыденного тесно связанное с условиями жизни древних людей, в частности кочевников. Согласно мифологическому сознанию, общество ограничивало действия человека рядом запретов, табу, лишь бы «не обидеть» неосторожным поступком «душу» дерева, реки или зверя. Люди старались добиться «расположения» природных сил, искупить вызванные человеческой активностью нарушения естественного порядка. Первобытный миф выполнял своеобразную регулятивную функцию в гармонизации отношений человека с природой. Здесь мы, по существу, имеем дело как бы с первоначальной (древней) моралью [4, с. 143].

Заметное влияние на содержательную сторону культурных ценностей, в том числе духовной культуры народов Востока, оказали зороастризм, тенгризм, шаманизм, манихейство и другие формы доисламских верований. При этом поклонения кочевников (кыргызов, казахов и др.) небу выливалось в жажду высокого, наставляло человека быть гордым, непримиримым, исповедовать философию героизма, несовместимую с рабской психологией.

Поклонение Матери-Земле укрепляло веру в силу человека труда, чувства святости родной земли, поддержку духов предков. Зороастрийская этика прививала необходимость следования в повседневной жизни трем принципам: благомыслию, благославию и благодеянию. В этой связи выбор между добром и злом, каждый должен делать не для собственного благополучия, а для решения судьбы всего мира. Шаманизм ориентировал людей на совесть и цельность поведения в земной жизни. Если в исламе реальное человеческое существование являлось своего рода подготовкой к потусторонней жизни, то для сторонников шаманизма реальной была земная жизнь с императивами совести и правдивости, дабы не потерять удачу и здоровье.

Доисламские верования имели преемственную природу и были выражением эволюционной сущности кочевого общества. В них были заложены первоначальная чистота, понимания жизни самой по себе, изначальные мотивации и ценности, истинные начала духовности, выражающие единство человека и природной среды, гармоничность их взаимоотношения. С этой позиции можно утверждать, что принципы кочевого бытия не религиозны по внутренней сути, и для познания истины жизни кочевник не стремится прибегнуть к чему-то потустороннему, сверхскрытому от него, он исходит из определенной (очевидной) данности. Вероятно, поэтому ни одна религия не смогла полностью завоевать сердце кочевника, и в глубине души он остался язычником. В этом аспекте у кыргызского народа прочно сохранился культ

божеств Тенгри, Умай-Эне, Жер-Суу, т. е. языческие верования широко распространялись и в поклонении земле, воде, родникам, камням, лесу, «святым горам», вознесении молитв Солнцу и Луне. Хотя надо отметить, именно современники, все более прочно и с небывалой фанатичностью инкультурируют устои и нормы ислама, в обществе идет философская и культурологическая полемика о целесообразности такого инкультурационного процесса в религиозных предпочтениях общества.

«Необходимо подчеркнуть, что особенности доисламского верования, их аксиологическое содержание ярко выражались в тенгризме, тотемизме и зороастризме как воплощение традиционного мышления кочевников, в частности, кыргызов. В системе этих верований наблюдались культы, представляющие собой комплекс народных воззрений, убеждений и обрядов, с почитанием и олицетворением природы, космоса и их бесчисленных и многозначных объектов, процессов. Об этом ярко свидетельствует феномен Тенгри, являющегося воплощением небесного, универсального субстанционального начала. Почитание неба (как духовной субстанции) – это не результат чистого обыденного сознания, религиозного мышления, а скорее попытка уяснить целостность космоса, неразрывное единство природы и человеческого бытия» [4].

Признание единого Бога – Тенгира как высшего Творца принадлежит тенгризму, но в отличие от христианства и ислама он не уподобляется человеку. Тенгир представлялся единой тайной, силой, расположенной на седьмом небе, недоступной человеческому разуму и отсюда определяющей всё, что происходит во Вселенной. В тенгризме исключалось противопоставление природы и человека, а тем более возвышение человека над нею, люди воспринимали себя как неотъемлемую частицу Великой, всемогущей, но справедливой и равной ко всему, живой Природы. В тенгрианстве мало привнесенного фантазией человека, его домыслами, оно возникло как отражение самой природы, ее логики, сути и содержания законов и понимания ее смысла таким, каким ее воспринимали люди той исторической эпохи. Тенгрианство утвердило единство человека с природой, человек есть ее продолжение, в ней существуют духи-властители рек и степей, гор и лесов. Весь мир в тенгрианстве предстает одухотворенным, в нем также отражаются мироощущение и миропонимание кочевников, основы их менталитета и коллективного бессознательного, прошедшие сквозь тысячелетия. При этом все поступки и жизнь людей в тенгризме должны исходить и отвечать таким базовым принципам морали, как справедливость, реальность души человека (его духовные качества ставились, ценились выше материальных благ); милосердие, доброта и отзывчивость, сочувствие человека не только к себе подобным, но и к природной среде.

Кыргызы, как наиболее древние из сохранившихся алтайских народов, смогли до середины

XX века сохранить основы тенгрианства, благодаря кочевому образу жизни, языку, эпической культуре, обычаям и традициям, глубоко впитавшим в себя смысл и исходные принципы указанного верования. С этой позиции «в мировоззрении кочевников-кыргызов, глубоко воплощались такие функции тенгрианства, как указание на верх, т. е. на верховное божество; созидательная (или покровительская) функция, функция распределения человеческих судеб, связь с мужским началом (предком), согласительная функция человека с природой (возвышение их гармоничности, сотворчества), аксиологическая функция, т. е. развитие ценности (нравственности), ответственности человека перед Космосом и своей совестью» [5, с. 328]. Таким образом, в истинной сущности и функциях тенгрианства содержались основные принципы морали и духовности, выражающие эгоцентризм (тем более исключаящие идеи антропоцентризма и антропоморфизма), отличающиеся рационализмом и реалистичностью, отражая относительную «простоту», «открытость» мировоззрения кочевников и их восприятия окружающего мира, которые в совокупности являются духовным основанием становления и развития культуры народов Востока.

Следует отметить, что система традиционных религиозных ценностей является одним из истоков возникновения и функционирования духовной культуры того или иного этноса. В самом деле, парадигмы религии ближе к языку духовности, нравственности, к феномену духовной культуры, ибо они получают определенные импульсы от религиозной веры. Сконцентрированные в них своеобразные ценностно-гуманистические и моральные нормы требуют тщательного изучения и инкультурации. Социально-культурное развитие человеческой цивилизации показывает, что мировые и локальные религиозные культуры, каждая по своему, содержат в себе уникальный «спектр» моральных ценностей и экологически-этических правил (императивов) для управления людьми в их отношениях с природой, социумом и субъектами исторического процесса.

«К духовным истокам бытия культуры народов (или этносов) также относятся проявления нравственности, ибо они главное свое богатство, т. е. духовную силу, высоту и величие, несли в душе, хранили в сердце, которые содержали в себе богатый морально-гуманистический потенциал. С учетом того, что духовно-онтологические основания культуры обусловлены многообразием отношения человека (социумов) к Миру, целесообразно констатировать, что сформировавшиеся в течении многих поколений в народном сознании нравственные ценности оказывали огромное воздействие на бережное отношение кочевников к окружающей среде, животному и растительному миру, на систему социумов, взаимоотношений исторических, этносоциальных общностей. Чаще всего духовно-созидательная сущность нравственных ценностей выражалась в идее добра, милосердия, справедливости и гуманизма» [6, с. 145].

Так, у кыргызов, как правило, безнравственным, а поэтому и наказуемым считалось неуважительное отношение к природе, особенно к земле, воде. В народе говорили: «Жер – жашоонун булагы» («Земля – источник жизни»); «Конгон журтушдан к-чк-н журтуш таза болсун» («Пусть место, откуда ты откопчал, будет чище того, куда ты перекочевал»). В обыденной жизни строго соблюдались запреты засорения водных источников, устройства запруд, препятствующих естественному потоку воды: «Суу ичкен кудукка түкүрбө», «Булак көрсөң, көзүн ач» («Не плюй в воду», «Увидел источник расчисти его» бросить в них нечистый предмет считалось большим грехом); «Суу сыйлаган зор болоор, суу кордогон кор болоор» («Кто ценит воду, почтение обретает, непочтительный к воде, сам презренным станет»). В поверьях, обрядах и запретах кыргызов содержится большая эколого-нравственная мудрость: нельзя причинять боль тому, что дает жизнь и пищу, иначе не будет ни того, ни другого.

Древние этнические традиции и обряды всегда закрепляли нравственные ценности и «категорические императивы» положительного природосообразного поведения, оптимальной социокультурной динамики и передавались от поколения к поколению. Отсюда очевидно требование к человеку жить разумно с окружающей природой и людьми. И не случайно процесс воззрения на природу, социальной действительности идет от единой развивающейся целостности: человек и природный мир, они сосуществующие формы бытия. Чтить природу – значит чтить человека и его совокупную индивидуальную сущность (природную, социальную и культурную). С этой позиции, в основе традиционной духовной культуры кыргызского народа, издревле лежали следующие эколого-нравственные принципы: 1) признание великой мудрости Природы и любовь к ней как среде обитания и как духовной, нравственной и эстетической ценности;

2) постоянное стремление людей вникать в причинно-следственную направленность и обусловленность природных явлений; 3) осознание зависимости человека от природы; 4) уважение ко всему живому; 5) понимание неотвратимости жестокой расплаты за любые проявления неуважения к экологической среде; 6) изучение, осмысление, освоение и использование экологического и духовно нравственного опыта предыдущих поколений (процессы социализации и

инкультурации); 7) глубокая гуманность и экологичность форм общественного сознания. При этом основными принципами построения системы нравственных ценностей, составляющими важный элемент духовности, являются полезность, гуманность и целесообразность. Они, объединенные канонами, традициями, условностями, формируются в процессе целесообразной производственной, социально-политической и бытовой, познавательной деятельности людей, ориентируют субъекта к непосредственной жизненной среде (социальной и природной) и отражают его ближайшие духовно-культурные и экологические интересы.

В заключении хотелось подчеркнуть, мир кочевой цивилизации гармонично сосуществовал с природой, не нарушая естественного ландшафта, а приспособляясь к природной нише, создавая уникальные виды жилья, традиций, игр и культуру в целом. Данную миссию мира, добра и согласия культуры и экологии, продемонстрировали проведенные «Всемирные игры кочевников» на берегах озера Иссык-Куль – жемчужины Кыргызстана. «Они дали миру толчок в развитии этноспортивного и этнокультурного единения культуры народов» [7, с. 34]. В век глобализации и интеграции, поглощающего уникальные особенности каждого этноса и народа сохранить и инкультурировать эти достижения задачи как науки, так и общества.

Список литературы

1. *Кокумбаева Б. Д.* Онтология культуры. Павлодар, 2005. 268 с.
2. *Нысанбаев А. Н.* Человеческая субъективность как духовно-нравственный феномен // XXII Всемирный философский конгресс (г. Сеул, Южная Корея, 30 июля – 5 авг. 2008 г.). Доклады Казахстанской делегации. Алматы, 2008. С. 149–160.
3. *Акматова Н. С.* Экологическое сознание древних кыргызов. Бишкек, 2011. 132 с.
4. *Жумагулов М.* Экологическое мышление в эпистемологическом измерении. Бишкек, 2005. 147 с.
5. *Байбосунوف А. Ж.* Донаучные представления кыргызов о природе и обществе. Бишкек, 2010. 340 с.
6. *Аскарров Т. А., Мукасов Ы. М.* Роль художественного наследия кыргызов в познании социокультурного процесса. Бишкек, 2008. 153 с.
7. *Отчёт секретариата «Всемирных игр кочевников».* Бишкек, 2016. 98 с.

Gulmira M. Kasymalieva, Assistant Professor,
Beishenalieva Kyrgyz State University of Culture and Arts (Bishkek, Kyrgyzstan)
kasymalieva.63@mail.ru

SPIRITUAL BASIS OF KYRGYZ ETHNOS' ECOLOGICAL CULTURE

Summary. For Kyrgyz ethnos' spiritual culture, ecological and gnostic values became a complex phenomenon that appears in different aspects of public life, in its historical development. Moral and spiritual, value-

based and statutory attitudes, requirements, rules and unwritten laws define vital principles for needed inter-ethnic dialogue which also consolidates ethnoses with the nature and cultural environment. As a conse-

quence, a human should be responsible for the world's harmony, and not just by his culture but mostly by moral creativity in the name of prosperity of existential harmony.

Zoroastrianism, Tenriism, Shamanism, Manichaeism and other forms of pre-Muslim beliefs have had marked impact on cultural values of the Eastern ethnoses including on their spiritual culture. Herewith nomads' (Kyrgyz, Kazakhs, etc.) heaven-worship took a form of yearning of sublime, made a human prideful, irreconcilable, and made him or her a person who espouses a philosophy of heroism that stands against a slave's psychology.

Basis of Kirghiz traditional spiritual culture anciently included the next ecological and moral principles: firstly, recognition of the Nature's wisdom, and admiration of Nature as an environment, and as spiritual, moral and ethical value. Secondly, it was people's constant intention to seek cause-and-effect relationship, to see determinism in natural phenomenon. Thirdly, it was a human's awareness of his dependence on nature. Fourthly, respect to everything that alive. Fifthly, clear comprehension of certainty of punishment for a human's disrespect attitude towards nature. Sixthly, studying, understanding, familiarization and usage of previous generations' ecological and spiritual experience (enculturation and socialization). Seventhly, humanness and environmental friendliness of public consciousness forms.

In conclusion the author stresses out that world of nomadic civilization was in full harmony with nature, with original landscape; a nomad in an effort to preserve natural conditions tried to create unique types of houses, cultural traditions, games, etc. The last "World Nomad Games" (Issyk-Kul lake, Kyrgyzstan) help to carry out

such mission of peace, kindness, and consent between culture and ecology.

Keywords: culture, spiritual culture, nature, values, enculturation, a myth, traditions, nomadic culture.

References

1. Kokumbaeva B. D. Ontologija kul'tury [The Ontology of Culture]. Pavlodar, 2005. 268 p. [In Russ.].
2. Nysanbaev A. N. Chelovecheskaya sub"ektivnost' kak duhovno-nravstvennyj fenomen [Human Subjectivity as a Moral Phenomenon] // XXII Vsemirnyj filosofskij kongress (Seul, Koreya, 30 iyulya – 5 avg. 2008 g.). Doklady Kazahstanskoj delegacii [The 22nd World Congress of Philosophy (Seoul, South Korea, Seoul, July 30 – August 5, 2008). The Kazakh Delegation's Reports]. Almaty, 2008. Pp. 149–160. [In Russ.].
3. Akmatova N. S. Jekologicheskoe soznanie drevnih kyrgyzov [Ancient Kyrgyz' Ecological Consciousness]. Bishkek, 2011. 132 p. [In Russ.].
4. Zhumagulov M. Jekologicheskoe myshlenie v jepistemologicheskom izmerenii [Ecological Thinking in Epistemological Dimension]. Bishkek, 2005. 147 p. [In Russ.].
5. Bajbosunov A. Zh. Donauchnye predstavlenija kyrgyzov o prirode i obshhestve [Kyrgyz' Pre-Scientific Nature and Society Concepts]. Bishkek, 2010. 340 p. [In Russ.].
6. Askarov T. A., Mukasov Y. M. Rol' hudozhestvennogo nasledija kyrgyzov v poznanii sociokul'turnogo processa [Kyrgyz Artistic Heritage in Cultural Process Comprehension]. Bishkek, 2008. 153 p. [In Russ.].
7. Otchjot sekretariata «Vsemirnyh igr kochevnikov» [The World Nomad Games Committee Report]. Bishkek, 2016. 98 p. [In Russ.].

УДК 130.2:930.1(476+470+571)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-30-37

Л. Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор
Белорусский государственный университет культуры и искусств (Минск, Беларусь)
levkrishtapovich@gmail.com

ВЕРНУТЬ ОБЩЕРУССКУЮ ИСТОРИЮ

Аннотация. Раскрывается сущность националистической белорусизации как антисоветского и антиросийского проекта, направленного на замену белорусской ментальности польско-шляхетскими взглядами и представлениями. Акцентируется внимание на необходимости восстановления в жизнедеятельности белорусского и российского народов общерусской истории как главного условия прогрессивного развития Белоруссии и России.

Ключевые слова: белорусизация, белорусизаторы, белорусская ментальность, белорусская культура, общерусская история.

Необходимо заметить, что история вообще не ограничивается только правильным и, еще того менее, только правдоподобным, то есть такими определениями, правильность которых непосредственно ясна для сознания, оперирующего представлениями или так называемым плюралистическим подходом.

История строится на доказанных определениях, то есть таких, содержание которых не воспринимается как внешнее препарирование фактами, а представляет собой результат самого внутреннего исторического развития. Вот почему истинное историческое познание не означает удовлетворение прихотей